

Из комментария к «Домику в Коломне»:

Место действия

Екатерина Лямина
Москва

Нижеследующие заметки касаются некоторых черт топонима, вынесенного в заглавие поэмы. Эти черты представляются значимыми в связи с последовательно провоцирующей «читательское недоумение» и даже обескураживающей двойственностью, характерной для всех структурных уровней «Домика в Коломне» (далее: *ДвК*) — «едва ли не самой странной из пушкинских поэм»,¹ безостановочным колебанием комплекса ее смыслов между «шуточным», по выражению самого Пушкина, и серьезным полюсами.² Аспекты, о которых пойдет речь, могут оказаться существенными и для попытки (не входящей, впрочем, в число задач нашей работы) представить связанное описание Коломны как «городского урочища», т.е. феномена, возникающего из рефлексии над взаимодействием планов «*природного* (в двух ипостасях — геофизической и природно-экологической, конкретнее — «ландшафтно-пейзажной») и *культурного*».³

1.

Статус топонима «Коломна» (территория площадью около 1,5 кв. км в западной оконечности Адмиралтейского острова, со всех сторон ограниченная водными артериями: реками Мойкой, Фонтанкой, Пряжкой и Крюковым каналом; Екатерининский канал делит Коломну на Большую, с югу от него, и Малую — к северу) в конце XVIII — первой половине XIX в. оставался неоднозначным. На регулярно (за названный период — в среднем раз в пять-шесть лет⁴) обновлявшихся печатных планах столицы он фиксировался, но редко,⁵ зато активно функционировал в городском обиходе. На это

указал, в частности, А.П. Башуцкий, включивший Коломну в краткий словарь «урочищ города», «к истории и топографии Петербургской относящихся». «Знание оных, — замечал он, — некоторым образом необходимо, ибо в народе до сих пор, для означения разных сторон города, названия их употребляются чаще самых названий полицейских частей и кварталов».⁶

Не вполне проясненной остается и этимология топонима. Она, так сказать, разделяется на два пласта в зависимости от того, возводить ли это название к уже существовавшим топонимическим феноменам или же считать его связанным с реалиями новой столицы.

Из числа первых выпадает финское именование «пре-Коломны» — „Perusina“ («местность с твердым грунтом»), недолгое время державшееся в названии «Первушкин остров», но уже к концу первой трети XVIII в., по-видимому, почти угаснувшее, что для петербургской топонимики представляет скорее исключение.

По одной из конкурирующих версий, эта часть города в 1730-е гг. была отведена под жительство рекрутированным в мастерские Адмиралтейства работным людям из города Коломна Московской губернии⁷ или же из подмосковного села Коломенское.⁸ Однако если в Коломне, стоящей при слиянии Москвы-реки и Оки, должны были иметься свои корабельные,⁹ то царская вотчина под Москвой такими умельцами прославлена не была, хотя переселять людей в строящуюся столицу могли и отсюда.

В своде Даля, кроме того, зарегистрировано слово «коломень» («коломень») — «околица, околоток, соседство [Отчего и название города Коломны, околицы Москвы]» (в этимологической иллюстрации, заметим, два географических пункта — Коломна и Коломенское — контаминированы). Таким значением корневой морфемы («выселки вообще; не-центр; нечто находящееся на окраине, лимитрофное»), вероятно, обусловлено употребление этого существительного одновременно как собственного и нарицательного в труде И.Г.Георги: «Западная часть второй Адмиралтейской части между устьями Мойки и Фонтанки заключает в себе три *коломны*. Вся *коломна* вообще имеет низкое, ровное и во время западных ветров наводнениям подверженное положение».¹⁰

Наряду с изложенным толкованием имеются две собственно петербургские этимологии. Согласно первой, после большого пожара 1736 г., который уничтожил прилегавшие к Адмиралтейству слободы «адмиралтейских служителей», для них «построены были деревянные дома на болотном месте, находящемся между устьями Фонтанки и Мойки, и сия новая часть города названа была по немецкому имени *Kolonie* (селение), а по последовавшем переименовании оно *Коломною*, как и доныне именуется». ¹¹ Небезынтересно, что в «Описании Санктпетербурга» Андрея Богданова, завершеном в 1751 г., т.е. практически современном первоначальному освоению этой части города, сообщается, что после пожара «отведено... <адмиралтейским служителям> место на поселение, что ныне называется Новая Колона». ¹²

Отмеченная Богдановым (и оставленная им без объяснения) форма «Колона» коррелирует с еще одной версией, самой «петербургской», удерживающей первоначальный пафос регулярности, связанный с созданием новой столицы. В соответствии с этим объяснением, проводя от центра города (Адмиралтейства) дорогу в заложенный в 1711 г. Екатерингоф, Д Трезини, архитектор Петра I, прорубал в росшем на болоте лесу прямые просеки, которые он называл «колоннами», что и дало, в несколько измененном виде, имя возникшей здесь впоследствии части города. ¹³

Эта версия выглядит наиболее спорной: большинство значений итальянского слова „colonna“ связаны с вертикалью (архитектурная деталь; верстовой или межевой столб; ¹⁴ газетная колонка; графа таблицы) и не предусматривают «опрокидывания» этой вертикали и превращения ее в горизонталь-просеку. Ср., впрочем: «А.И.Богданов назвал эту местность „Колоною“, очевидно, от итал. *colonna* (линия, строй), что соответствует регулярному плану местности с пересекающимися под прямыми углами широкими улицами». ¹⁵

Суммируя сказанное, рискнем предположить, что поливариантность этимологических объяснений названия «Коломна» и прихотливое сочетание порождаемых ими ассоциативных полей вкупе с пародийно-итальянским звучанием топонима могли сыграть какую-то роль на втором этапе работы Пушкина над текстом поэмы — при

составляющем отдельную исследовательскую проблему¹⁶ переходе от литературно-полемической и метапоэтической части, начатой в октавах, к изложению в той же строфической форме «анекдота» из петербургской жизни.

2.

[IX]

<...> Жила-была вдова
<...> бедная старушка,
С одною дочерью. У Покрова
Стояла их смиренная лачужка
За самой будкой.

Сюжетная составляющая и бытовые детали *ДвК* нередко интерпретируются как свидетельство пристального внимания Пушкина к жизни низших слоев населения столицы;¹⁷ героинь поэмы в этой связи принято безоговорочно именовать «мещанками», имея в виду сословную принадлежность.¹⁸

Главным доводом в пользу такой идентификации служит место их жительства — Коломна, трактуемая как отдаленная и захолустная окраина столицы.¹⁹

Между тем дело обстоит сложнее. Своеобразный облик Коломны, географически и административно входившей в состав центра и уж во всяком случае вплотную к нему примыкавшей,²⁰ задавался как тем, что ее освоение началось на несколько десятилетий позже, чем для 1-й, 2-й и 3-ей Адмиралтейских частей, так и тем, что она сразу сложилась как компактный ареал преимущественно жилой застройки — в отличие от указанных районов, сконцентрировавших основную массу «общественных зданий, дворцов, государственных учреждений, церквей и учебных заведений» столицы.²¹ Из почти сплошного частного домовладения В.П.Бурнашев, одним из первых спланировавший в Петербурге экскурсионные маршруты, выделял как достопримечательности «церковь Покрова; казармы Гвардейского экипажа; чугунный Бердов завод; Тюремный замок; Мальтийскую кафедральную церковь», а также «мосты Кашин и Никольский», «огромный Никольский рынок с своим вечным движением и ме-

лочную торговлею», «церковь Николы Морского», дом Д.И.Хвостова на Крюковом канале, где скончался Суворов, и Большой театр.²²

Нетрудно заметить, что перечень заслуживающих внимания точек Коломны пролонгирует ее границы до Никольского собора, отражая еще один важный момент — ее внутреннюю неоднородность, акцентированное деление на Коломну Большую, относительно престижную и тяготеющую к центру, и Малую, места «плохо обстроенные и населением бедные: это Козье болото, это Пряжка с казенными казармами».²³

С этой оппозицией коррелирует и социальная принадлежность домовладельцев. В Коломне они были представлены отнюдь не только мелкими чиновниками, мещанами и мастеровыми. От некогда доминировавшей в Коломне «колонии» служащих Адмиралтейства к началу 1820-х гг. мало что осталось: из 481 дома им принадлежало около 50. Мещанам — и того меньше (37 домов). За купцами числилось 73 дома, за чиновниками 8–14 классов и некласными — 125, за военными в чине от майора и выше — 39, за военными в чинах до майорского (в т.ч. унтер-офицерами) — 24. Едва ли соответствует представлениям о Коломне как захолустье число владевших здесь домами чиновников от 7-го класса и выше — 74.²⁴ При этом наиболее однородными по составу домовладельцев были 2-й и 3-й кварталы, т.е. Малая Коломна; наиболее пестрыми — 4-й и 5-й (от тайного советника графа Стройновского и вице-адмирала Клокачева, в доме которого в 1817–1820 гг. снимали квартиру С.Л. и Н.О.Пушкины, до надворной советницы Даревской, мещанина Пелторакова, чиновника 14 кл. Фокина и наследников купеческой жены Вавиловой²⁵), относившиеся к приходу Покрова Богородицы. В 5-м квартале и живут героини *ДвК*.

Действие поэмы, таким образом, разворачивается в центре Большой Коломны, вокруг ее архитектурной доминанты — внушительного и в то же время изящного однокупольного Покровского храма (возводился в 1798–1803 гг. по проекту И.Е.Старова на средства прихожан, по инициативе которых и было начато строительство).

Сказанное не ставит под сомнение ни патриархальность Коломны, ни свойственный ей ореол лимитрофности, «города в городе», ни стесненных обстоятельств вдовы и ее дочери. Существенно другое: эти обитательницы Коломны у Пушкина обрисованы без абсолютной однозначности. При неоднократно отмеченной (и подчеркнутой) «бедности» они «два, три дня — не доле» могут жить без кухарки, не заняты снисканием хлеба насущного и располагают досугом, который девушка проводит, в частности, за чтением книг, не сдают комнат в своем домике, а в церкви становятся «перед толпою У крылоса налево». Все это, и в особенности последний штрих, заставляет предположить, что перед нами не мещанки, а скорее вдова и дочь чиновника (возможно, выслужившего дворянство).²⁶

Корректировка представлений об их социальном статусе устанавливает дополнительные связи между *ДвК* и теми пушкинскими текстами, где героями являются мелкие чиновники — стационарный смотритель («сущий мученик 14-го класса») и, чуть позднее, Езерский и Евгений из «Медного всадника». Таким образом, позволено еще раз констатировать устойчивый интерес Пушкина к такого рода «пограничным» персонажам.

3.

[X]

Лачужки этой нет уж там. На месте
Ее построен трехэтажный дом.
Я вспомнил о старушке, о невесте,
Бывало, тут сидевших под окном,
О той поре, когда я был моложе,
Я думал: живы ли они? — И что же?

[XI]

Мне стало грустно: на высокий дом
Глядел я косо. Если в эту пору
Пожар его бы обхватил кругом,
То моему б озлобленному взору
Приятно было пламя.

Быстро меняющийся облик новой столицы, в том числе непарадных ее частей, — черта, фиксируемая в большинстве описаний Петербурга, начиная от самых ранних, и опытах осмысления его специфики. Это постоянный многофакторный процесс, который время от времени получает дополнительные стимулы в виде стихийных бедствий, прежде всего пожаров, особенно губительных, разумеется, для тех частей города, где доминировала деревянная застройка.

С другой стороны, происшествие с кухаркой, возмущившее покой в «смиренной лачужке», а точнее, тот период, когда рассказчик регулярно наблюдал за жизнью вдовы и ее дочери (что продолжалось никак не менее полугода, судя по оппозиции «Зимою ставни закрывались рано» vs «Но летом до ночи растворено Все было в доме») и по рисующим размеренный ритм этой жизни строкам «По воскресеньям, летом и зимою, Вдова ходила с нею к Покрову»), предварен в поэме довольно четким хронологическим указанием: «тому лет восемь». Отсчитав этот срок от начала октября 1830 г., когда был написан *ДвК*, получаем 1822 г., от даты «1829», выставленной под текстом при его первой публикации в альманахе *Новоселье* (Ч. 1. С.-Петербург, 1833), — 1821-й. И в том, и в другом случае еще не произошло событие, решительным образом изменившее облик многих частей города, и перед нами в строгом смысле слова допотопная Коломна.

Болотистый Коломенский остров, где возвышение земли над поверхностью воды в конце 1810-х гг. составляло «не более полсажени»,²⁷ всегда был уязвим для наводнений, особенно в западной своей оконечности, от которой речкой Пряжкой отсечен Матисов остров, также входивший в состав 4-й Адмиралтейской части. В указе Адмиралтейств-коллегии от 22 сентября 1777 г., зафиксировавшем высоту воды в то наводнение, которое вплоть до 1824 г. считалось самым разрушительным за все время существования Петербурга, и вводившем меры оповещения о стихийном бедствии и помощи при нем, «слободы Галерной гавани» на Васильевском острове и обе Коломны, Большая и Малая, фигурируют как наиболее угрожаемые точки города.²⁸ К 1824 г. положение изменилось мало, несмотря на рост уровня почвы в связи со строительством и работами по углублению и отделке гранитом Фонтанки, Екатерининского и Крюкова каналов.²⁹

Очевидцы наводнения 7 ноября, и среди них те, кого бедствие застало в Коломне или по соседству с ней, рисуют ситуацию как весьма серьезную. Рано утром, когда Мойка в центральной части города еще не вышла из берегов, К.Я.Булгаков писал брату: «Целую ночь дул и еще дует сильный морской ветер, каналы очень наполнились, и, вероятно, в Коломне и улицы залило».³⁰ Это предположение было справедливо. А.П.Беляев, в ту пору мичман Гвардейского морского экипажа, идя поутру от Калинкина моста в казармы на Екатерингофском проспекте у Крюкова канала, наблюдал, как «вода уже была фонтанами из всех водосточных труб, заливая улицы и захватывая всех пешеходов».³¹ Д.И.Завалишин, находившийся в доме морского министра в Галерной улице (1-я Адмиралтейская часть), впоследствии вспоминал, что в 11 часов «вода подступила под окна» первого этажа, а примерно через четверть часа «вливалась уже в горницу» через подоконник.³² Проснувшийся как раз в этот час А.С.Грибоедов (квартировал в доме В.В.Погодина на Торговой улице, близ Большого театра) услышал от прислуги, что «вода чрезвычайно велика <...> затопила всю нашу Коломну». Скорость подъема воды он зафиксировал практически такую же, что и Завалишин: «Я закричал, чтобы выносили что понужнее в верхние жилья <...> бегаю, распоряжаю — и вот уже из-под полу выступают ручьи, в одно мгновение все мои комнаты потоплены: вынесли, что могли, в приспешную, которая на полтора аршина <106 см> выше остальных покоев; еще полчаса — и тут воды со всех сторон нахлынули». В третьем часу пополудни, на пике наводнения, «вода нижние этажи уже совершенно залила, а в других поднялась до вторых косяков 3-х стекольных больших окончин, вообще до 4-х аршин уличной поверхности».³³ На Торговую же улицу, к дому митрополита римско-католических церквей Сестренцевича, было занесено (с причала у завода Ч.Берда на Матисовом острове) какое-то паровое судно: то ли курсировавший между Петербургом и Кронштадтом пассажирский пароход (впрочем, небольшой осадки — всего 0,61 м), то ли «машина, употребляемая для углубления и чищения каналов».³⁴

Согласно выкладкам С.И.Аллера, по 4-й Адмиралтейской части высота воды колебалась от 4 футов 6 дюймов до 6 футов (на Торговой улице и площади Козье болото соответственно). На Большой

Садовой улице, проходящей через Покровскую площадь, подтопление составило до 5 футов 10 дюймов (для сравнения: в Галерной гавани был зафиксирован подъем воды от 5 до 10 футов; в Екатерингофе — до 13 футов 1 дюйма). Во многих каменных домах пострадало имущество. Так, Беляев вспоминал, что в его квартире у Калинкина моста, топографически наиболее близкой к интересующей нас Покровской площади, «вода <...> стояла выше роста человека» и «мебель, платье, белье, все было совершенно уничтожено». ³⁵ Деревянные же, и тем более ветхие, дома могли быть либо значительно повреждены внутри и/или снаружи, либо вовсе смыты.

Оговариваясь, что Адмиралтейская сторона в сравнении с заречными частями города претерпела куда меньше, описатели бедствия исключали из этой картины относительного благополучия Коломну. ³⁶ Ее первую в числе мест, «где наводнение наиболее произвело опустошения», осмотрел (на третий день) император, оттуда проехав в Екатерингоф. ³⁷ «Говорят, что в Коломне много народа потонуло», — записал 8 ноября С.Н.Корсаков, ³⁸ а Мартынов 17 декабря сообщал своему корреспонденту один из множества «анекдотов, достойных памяти человечества», циркулировавших в Петербурге: «Мать, лишась приюта, в Коломне, бежит в воде с малолетнею, едва начавшей лепетать дочерью; быстро прибывает вода по улицам; мать не находит возможности к спасению жизни дочери, а о своей уже не мыслит, вдруг видит позади себя солдат. Она бросает к ним через голову свое детище и сама утопает. Один из служивых подхватывает ребенка <...> другой <...> берет девочку к себе и принимает вместо дочери». ³⁹

Официально публиковавшиеся данные о нанесенном Коломне ущербе противоречивы. П.П.Свиньин в начале 1825 г. сообщал, что в 4-й Адмиралтейской части были повреждены четыре дома и погибло 14 человек, ⁴⁰ но в том, что касается недвижимого имущества, эта статистика явно неполна. Аллер о погибших не упоминает, равно и о полностью снесенных в этой части города строениях; согласно приведенным в его труде выкладкам, «наружно» здесь пострадали 38 домов, «внутренно» — 410. О масштабах бедствия в Коломне можно судить и по тому, что в распоряжение комитета по 4-й Адмиралтейской части, «учрежденного для пособия разоренным от навод-

нения в С. Петербурге», была отпущена сумма в 293670 рублей — третья по величине после выделенных на Васильевскую и Петербургскую части (918894 и 530629 рублей соответственно).⁴¹

Впрочем, даже с наиболее опустошенными районами наводнение обошлось довольно прихотливо. Среди многочисленных анекдотов о чудесных спасениях известен и касающийся недалекого от Коломны Екатерингофа (которого, как лаконично замечает Грибоедов, «поутру не было», так что колеса кареты графа Милорадовича, посланного императором в этот район, «как пароходные крылья, рыли бездну»⁴²): «Чиновник Таможни N.N. жил с большим семейством в низеньком, старом домике своем близ Екатерингофа. <...> Когда семейство его решалось переходить в двухэтажный дом, выстроенный вновь в нескольких шагах от первого, то вода была уже так велика, что не было возможности туда перебраться, и оно принужденным нашлось укрыться на чердаке с лучшими пожитками своими. Оттуда они видели, как потрясен был бурей и волнами их новый дом, как снесло с него крышу, как он разрушался и унесен был в море, а низенькая лачужка устояла без повреждения! Бедный отец, застигнутый водою в Петербурге, всю надежду свою полагал на новый дом свой, думая, что его семейство в нем укроется и спасется; но с каким ужасом не признавал он своего нового дома, приближаясь к нему на другое утро, и как велико, неожиданно было его восхищение, когда в старой хижине нашел он все свое семейство в совершенной безопасности! — Увы! многие не были столь счастливы: некоторые возвращались в дома свои на Васильевском острове, в Галерной гавани, в Коломне единственно для того, чтоб отдать последний долг Христианской любви своим родным и ближним».⁴³

Избирательность разрушений, причиненных Коломне, отражена и в «Медном всаднике»: «уголок» (неизвестно, впрочем, в каком этаже находившийся), где квартировал герой поэмы, остался невредимым и был «отдан внаймы» новому жильцу; даже «добро» Евгения не пострадало.

Очень вероятно, что многие владельцы пришедших в значительную или полную негодность деревянных домов, в том числе в Коломне, не видели смысла их восстанавливать (особенно при резком скачке цен на строительные материалы и работы, хотя правительство

и пыталось установить за этим контроль), даже с учетом тех компенсаций, на которые можно было рассчитывать.⁴⁴ К тому же относительно быстрая выдача этих сумм требовала немалых усилий: так, И.И.Мартынову пришлось задействовать все свои связи, в том числе протекцию министра А.С.Шишкова, Д.П.Рунича и других высших чиновников. Некоторым домовладельцам, по-видимому, было проще, продав земельный участок, переселиться в еще более непритязательную часть города. Инвестиционная же привлекательность Коломны, района недорогого и в то же время сравнительно близкого к самым престижным кварталам столицы, должна была формировать спрос на свободные участки. Первый строительный бум здесь не заставил себя ждать: «... квартал Коломна, между Фонтанкой и Мойкой, у Калинкина моста, обстроен в короткое время и с удивительным богатством», — сообщала 26 февраля 1832 г. «Северная пчела». Собственно доходными домами Коломна начала застраиваться позже, со второй половины столетия.

Таким образом, одной из причин исчезновения «смирненной лачужки» могла стать катастрофа 1824 года. На то, что появлению на прежнем месте нового трехэтажного дома, феномена другой эпохи и другой, теряющей свой патриархальный уют Коломны, предшествовало некое событие, перечеркнувшее «капсульный» мир двух замкнутых друг на друга персонажей, косвенно указывают, в частности, «тревожные» строфы XI–XII *ДвК*.⁴⁵ Небезынтересно, что в них упомянуты обе стихии: и огонь, и (в пародийном переосмыслении) вода («Я воды Леты пью»). У.Харкинс прямо сближает «удивление и раздражение поэта», обнаруживающего «высокий дом» на месте домика (в *ДвК*), с «ужасом Евгения», «не находящего и следов» жилища своей невесты (в «Медном всаднике»⁴⁶).

В данной точке поэмы через восприятие рассказчика достигает апогея то драматическое напряжение, которое персонажная структура «вдова/вдовец + дочь/дочери + (появляющийся извне мужчина)» неизменно задает пушкинским текстам конца 1820-х — начала 1830-х гг. с жанровыми чертами повести, истинного происшествия или анекдота («Станционный смотритель», «Медный всадник», прозаические отрывки: «В 179* году возвращался я...», «Марья Шонинг»;

к этому же ряду относятся план «Влюбленный бес» и повесть В.П. Титова «Уединенный домик на Васильевском».⁴⁷ Еще раз это напряжение, уже в снятом виде, отзовется в строфе XXXVIII *ДвК* («Ушла <...> не успев надеть важных бед»⁴⁸) и XL, финальной («Кухарку даром нанимать опасно»). Намеченный, и достаточно внятно, трагический поворот сюжета остается «свернутым».

Примечания

¹А.А.Фаустов. *Герменевтика личности в творчестве А.С.Пушкина (две главы)* (Воронеж: Издательство Воронежского университета, 2003), стр. 11; число сходных характеристик *ДвК*, в т.ч. предваряющих новаторские работы о поэме, легко умножить. См., например: W.Harkins, «The place of „Domik v Kolomne“ in Puškin’s Creation», *Alexander Puškin: A Symposium on the 175th Anniversary of His Birth*. Eds. Andrej Kodjak, Kiril Taranovsky (New York: New York University Press, 1976), p. 196; M.C.Finke, «The Aesopic Content of Pushkin’s „The Little House in Kolomna“», in: M.C.Finke. *Metapoiesis: The Russian Tradition from Pushkin to Chekhov* (Durham and London: Duke University Press, 1995), p. 44; С.Фомичев. *Ранние редакции поэмы «Домик в Коломне»* (С.-Петербург: Нотабене, 2000), стр. 53.

²О соотносительности этих сторон см. тонкие суждения В.Ф.Ходасевича в статье «Петербургские повести Пушкина», *Аполлон*, 1915, №3, стр. 48, 50.

³В.Н.Топоров, «Аптекарьский остров как городское урочище (общий взгляд)», *Ноосфера и художественное творчество* (Москва: Наука, 1991), стр. 200–201 (в качестве важной составляющей городского урочища ученый выделял его литературный слой). Целый ряд черт Коломны (прежде всего в текстах Пушкина) как поля «одновременно более узкого и более широкого», чем литературное урочище в понимании В.Н.Топорова, т.е. места «для „разыгрывания“ определенных литературных сценариев, не рассчитанных специально на такого рода постановку, но вступающих друг с другом — благодаря этому месту — в некую относительно устойчивую констелляцию», отмечен в цитированной работе А.А.Фаустова (стр. 13, 25–29, 45 и др.).

⁴См.: *Печатные планы Петербурга — Петрограда, 1703–1917: Сводный каталог*. [В 2 ч.]. Сост. Н.К. Шаблаева (Ленинград, 1966); Н.К.Шаблаева, «Планы Санкт-Петербурга 1-ой половины XIX в.», *Петербургские чтения* (С.-Петербург, 1994), стр. 84–88.

⁵В варианте «Коломня» фигурирует на планах 1804 и 1821 гг.. См.: В.В. Кукушкина. *Топонимика Санкт-Петербурга первой половины XIX в. по планам города* (СПб.: Издательство Российской Национальной библиотеки, 1996), стр. 18. С 1865 по 1917 г. на планы и схемы наносилось название

«Коломенская часть»: в нее была преобразована 4-я Адмиралтейская часть — официальное именование Коломны с 1796 г.

⁶<А.П.Башуцкий>. *Панорама Санктпетербурга* (С.-Петербург, 1834). Кн. 2, стр. 62.

⁷«В 1736 году начали отстраивать место сие и заселять оное мастеровыми, дав оному название *Новой Коломны*, по городу сего же имени (Московской губернии на реке Москве), в котором в то время находилось большое количество мастеровых разного рода, и откуда мастеровые, поселенные в *Новой Коломне*, были вызваны». — А.П.Башуцкий. *Указ. соч.*, стр. 63; см. также: *Санкт-Петербург Энциклопедия* (С.-Петербург-Москва: Российская политическая энциклопедия, 2004).

⁸*Топонимическая энциклопедия Санкт-Петербурга 10000 городских имен* (С.-Петербург: ЛИК, 2003), стр. 161–162; *Санкт-Петербург от А до Я*. Автор-сост. А.И. Фролов (С.-Петербург, 2005), стр. 41; К.С.Горбачевич, Е.П.Хабло. *Почему так названы?* 5-е изд. (С.-Петербург, 2006), стр. 313–314.

⁹«Коломенка» — тип речного грузового судна (*Словарь русского языка XVIII века*. Вып. 10. СПб., 1998, стр. 102), ходившего «по Волге, Каме, Мариинскому сообщению» (В.И. Даль).

¹⁰*Описание столичного города Санкт-Петербурга...* Соч. И.Г.Георги. Пер. с нем. Ч. I (С.-Петербург, 1794), стр. 99; курсив в тексте.

¹¹*Там же*, стр. 22. Ср. в значительно более позднем описании столицы: «В народе прозывается попросту Коломней; различают даже две Коломни: Большую и Малую. В 1736 г. здесь были построены дома для адмиралтейских служителей; местность эта названа Колонией, переименованная [так!] народом в Коломню» — *Петербург весь на ладони...* Сост. В. Михневич (Москва, 2003) [репринтное воспр. изд.: С.-Петербург, 1874], стр. 61.

¹²А.И.Богданов. *Описание Санктпетербурга* (С.-Петербург: Катриона, 1997), стр. 118. В других источниках определение «новая» как бинарное по отношению к «старой», уничтоженной огнем, «колонии» не встречается: эта оппозиция, видимо, довольно быстро перестала быть актуальной.

¹³См.: *Топонимическая энциклопедия Санкт-Петербурга...*, стр. 161–162; *Санкт-Петербург от А до Я*, стр. 41, и др. В лекции «Легенды, предания и сказания Петербурга» (1923) П.Н.Столянский, не упоминая даже о просеках, отметил, что Трезини назвал «колонной» само болотистое место, которое он должен был осушить, а русские мужики переделали это название в «Коломну»: «Коломна вовсе не русское слово, а итальянское, только сильно исковерканное» (ОР РНБ. Ф. 741. Оп. 2. №100. Л.1 об.; сообщено А.Л.Осповатом).

¹⁴Ср.: «Понятие «колонна-колюмна [от нем. Kolumne — межевой столб]» постепенно расширялось до значения улицы и слободы. Поэтому в Петербурге в ту пору название „Коломна“ существовало в разных частях города, где прокладывались регулярные улицы». — С.Е.Глезеров. *Исторические районы Санкт-Петербурга* (С.-Петербург, 2004), стр. 55; предлагаемое толкование, к сожалению, никак не аргументируется.

¹⁵А.Ф.Векслер, «Коломенская часть», *Три века Санкт-Петербурга. Энциклопедия*. Том 2. *Девятнадцатый век*. Кн. 3 (С.-Петербург, 2004), стр. 321.

¹⁶См., в частности: С.А.Фомичев, «Октавы „Домика в Коломне“ Пушкина (Строфа и сюжет)», *Проблемы теории стиха* (Ленинград: Наука, 1984), стр. 125 и след.; Л.Л.Бельская, «Композиция и стиховая структура поэмы А.С. Пушкина „Домик в Коломне“», *Проблемы стихотворного стиля. Тематический сборник научных трудов...* (Алма-Ата, 1987); М.Харлап, «Полемический смысл „Домика в Коломне“», *Известия АН СССР. Серия литературы и языка*. Том 39 (1980), №3; G. Worthey, «Gender Poetics and the Structure of Pushkin's „Little House in Kolomna“», *Elementa*. Vol. 3 (1997), p. 271–272. Напомним, что вскоре по завершении *ДвК* Пушкин аттестовал свое новое произведение как «повесть, писанную октавами»: в письме к П.А. Плетневу от 9 декабря 1830 г. и при чтении текста московским знакомым («повесть [в] октавами», — отметил в дневнике под 15 декабря М.П. Погодин; цит. по: М.А.Цявловский, «Пушкин по документам погодинского архива», *Пушкин и его современники*. Вып. XXIII–XXIV. Петроград, 1916, стр. 110) и, видимо, находил эту формулировку, контрастно подсвечивающую план «анекдотический» — собственно стиховым, удачной. Во всяком случае, почти через год ее воспроизводит Гоголь, ознакомившийся с поэмой летом 1831 г.: «У Пушкина повесть, октавами писанная: Кухарка, — в которой Коломна и вся петербургская природа живая» — письмо к А.С. Данилевскому, 2 ноября 1831. Н.В.Гоголь. *Полное собрание сочинений*. Том X (Москва-Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1940), стр. 214.

¹⁷Этим задается «сущность, дух и атмосфера» поэмы. — Б.В.Томашевский, «Петербург в творчестве Пушкина», *Пушкинский Петербург* (Ленинград: Газетно-журнальное и книжное издательство, 1949), стр. 29.

¹⁸См., например: Л.С.Сидяков, «„Колорит“ в произведениях Пушкина рубежа 1830-х гг.», *Болдинские чтения* (Горький, 1976), стр. 22; О.Я.Поволоцкая, «Самосознание формы („Домик в Коломне“ и „Повести Белкина“)», *Московский пушкинист*. II (Москва, 1996), стр. 34; Л.А.Перфильева, «Поэма „Домик в Коломне“ в контексте петербургских и болдинских реалий биографии А.С.Пушкина (комментарий к происхождению замысла и автоиллюстрациям)», *Болдинские чтения* (Нижний Новгород, 1999), стр. 146.

¹⁹В качестве иллюстрации к этим двум положениям нередко выступает пространный отрывок из повести Гоголя «Портрет» (1833–1834; опубл. в 1835). Вот опорные точки этого фрагмента: «Тут все непохоже на другие части Петербурга; тут не столица и не провинция <...> здесь все тишина и отставка, все, что осело от столичного движения»; далее перечислены наиболее типичные обитатели Коломны: «отставные чиновники», вдовы, «выслужившиеся кухарки», актеры. Принято считать, что Гоголь, чьи впечатления от жизни в Коломне (в 1828 и в 1830 г. в разных домах на Екатерининском канале; см.: М.И.Гиллельсон, В.А.Мануйлов, А.Н.Степанов. *Гоголь в Петербурге* (Ленинград: Лениздат, 1961), стр. 102) наложились на восхищение ДвК, описал ту же Коломну, что и Пушкин, развернув лаконичные штрихи в подробные картины тамошнего быта. Такой прием, однако, не вполне корректен: Гоголю важно очертить Коломну как целое и сделать ее одним из доказательств ненормальности Петербурга («целый его район, Коломна, подан под знаком исключения („ни се ни то“) и отставки, являясь географическим олицетворением гоголевской фигуры фикции» (Ю.Манн, «Петербургский и московский тексты в творчестве Гоголя: принцип дополнителности», *Существует ли петербургский текст?* Под ред. В.М. Марковича, В. Шмида. (С.-Петербург: Издательство Петербургского университета, 2005) (*Петербургский сборник*. Вып. 4), стр. 202). Лишним доказательством того, что в этом фрагменте Гоголь осознанно нивелирует внутреннюю разнородность Коломны, служит пассаж из первой части того же «Портрета»: хозяин дома, где снимает мастерскую Чертков, уподоблен всем «владельцам домов где-нибудь в Пятнадцатой линии Васильевского острова, на Петербургской стороне или в отдаленном углу Коломны», что подключает это «микро-эссе» к богатой традиции описания правобережных районов столицы как едва затронутых цивилизацией. Ср., например: «Есть люди, которые в роскошном прихотливом Петербурге живут как в Камчатке или Березове! <...> в грязном домике [на Петербургской стороне], о котором идет речь, не было ни малейших следов преобразования России Петром Великим, не было никаких следов открытия Америки и кратчайшего пути в восточную Индию» — Ф.В.Булгарин. *Памятные записки титулярного советника Чухина, или Простая история обыкновенной жизни* (С.-Петербург, 1835). Ч.1, стр. 4–5.

²⁰Ср.: «<...> четыре первые части города <Адмиралтейские> <...> все почти вместе» — В.Бурьянов <В.П.Бурнашев>, *Прогулка с детьми по Санкт-Петербургу и его окрестностям*. Ч. 1 (С.-Петербург, 1838), стр. 58; «Четыре Адмиралтейские части, занимая остров, ограниченный левым берегом Невы и Фонтанки, составляют центр города» — И.И.Пушкарев. *Николаевский Петербург* (С.-Петербург: Лига-Плюс, 2000), стр. 64; труд Пушкарева под

названием *Описание Санкт-Петербурга и уездных городов С.-Петербургской губернии* выходил в 1839–1841 гг.).

²¹О.А.Чеканова, «Адмиралтейская часть», *Три века Санкт-Петербурга*. Том 1. *Осьмнадцатое столетие*. Кн. 1, стр. 13.

²²В.Бурьянов. *Указ. соч.*, стр. 60; 108–109; все названные объекты существовали уже в 1810-е гг.

²³*Там же*, стр. 109. Это противопоставление не утратило актуальности и в последней четверти столетия: так, П.А.Каратыгин, неизменно чуткий к деталям петербургского быта, поселил скуповатого «ученого мужа и вдовца», героя водевиля «Коломенский Диоген, или Добрая ложь лучше худой правды» (С.-Петербург, 1880), «в Малой Коломне, в Безымянной улице».

²⁴Подсчеты сделаны по кн.: *Указатель жилищ и зданий в Санктпетербурге, или Адресная книга... На 1823 год*. Изд. Самуил Аллер. (С.-Петербург, 1822). Среди прочих домовладельцев 4-й Адмиралтейской части — титулованные особы («наследники гр. Торماسова», княжна Урусова, графиня Орлова, графиня Ивелич, граф Стройновский (2 дома), граф Гудович (2 дома), банкир барон Раль), служащие придворного ведомства (12 домов), а также врачи, лекари, аптекари, духовные лица (в т.ч. митрополит Сестренцевич, владевший тремя домами); иностранцы. Структура домовладения, разумеется, не идентична реальному составу жителей: дома могли сдаваться внаем (целиком или по частям), быть способом помещения капитала и т.д. — но до некоторой степени передает положение вещей.

²⁵Перечислены некоторые владельцы домов на Покровской площади и в Покровской улице (*Указатель жилищ...*, стр. 40–41). Ср.: «городские табели еще в начале XIX в. приводили сведения о домах, многие из которых оценивались от 20 до 65 тысяч рублей» — А.Ф.Векслер. *Указ. соч.*, стр. С. 321; статистические сведения на 1804 и 1833 г., касающиеся оценки домов во всех частях столицы для исчисления налоговых платежей, см.: А.П.Башуцкий. *Указ. соч.* Приложение [третья статистическая таблица].

²⁶Все эти наблюдения были впервые обнародованы М.Г.Рабиновичем, спроецировавшим их на тщательно прописанный культурно-антропологический фон — см. его статью: «„Домик в Коломне“ — картинки из жизни старого русского города (Поэма А.С.Пушкина как исторический источник)», *Советская Этнография*, 1987, №1, стр. 123–132). Ученый даже предположил, что «вдова с Парашей» существовали «на пенсию или на какой-то капитал (возможно, на то и другое)» (стр. 126), но не сделал напрашивающегося вывода, хотя получение пенсионера исключало принадлежность к мещанскому сословию.

²⁷*Медико-топографическое описание Санктпетербурга, главного и столичного города Российской империи*. Соч. Генриха Людвиг фон Аттенгофера... Пер. с нем. (С.-Петербург, 1820), стр. 4.

²⁸«В Галерной гавани светлицы матросские потоплены были на одиннадцать фут четыре дюйма, какая вода и при оконечности Коломны быть имела<...> К вياщему спасению людей содержаны должны быть имеют при Коломнах, в двух местах, довольное число гребных больших судов, а именно у Алатченина моста и на реке Пряжке» (цит. по кн.: П.П.Каратыгин. *Летопись петербургских наводнений. 1703–1879* (С.-Петербург, 1889), стр. 27; далее — Каратыгин).

²⁹Выкладки см.: А.П.Башуцкий. *Указ. соч.*, стр. 59.

³⁰*Русский Архив*, 1903. Кн. II, стр. 73.

³¹Позднейшие мемуары Беляева цит. по кн.: Каратыгин, стр. 55.

³²Д.Завалишин. *Воспоминания* (Москва: Захаров, 2003), стр. 104.

³³А.С.Грибоедов, «Частные случаи петербургского наводнения», *Петербург в русском очерке XIX века* (Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1984), стр. 35–36.

³⁴*Описание наводнения, бывшаго в Санктпетербурге 7 числа Ноября 1824 года*. Издал Самуил Аллер (С.-Петербург, 1826), стр. 15 (далее — Аллер–1826); «Письмо И.И.Мартынова к П.А.Словцову (27 декабря 1824 г.)», *Памятники новой русской истории: Сборник исторических статей и материалов*. Том II (С.-Петербург, 1872). Отд. 2-й, стр. 156.

³⁵Цит. по кн.: Каратыгин, стр. 57. Сведения о том, что братья Беляевы осенью 1824 г. квартировали у Калинкина моста, в декабристоведении не зарегистрированы; впрочем, даже если мы имеем дело с ошибкой памяти мемуариста, то точно установленное место его жительства также располагалось в 4-й Адмиралтейской части — это дом Рогинского на Екатерингофском проспекте; см.: А.Б.Сиротин, «Памятные места декабристов в Санкт-Петербурге. Справочный указатель», *14 декабря 1825 года. Источники. Исследования. Историография. Библиография*. Вып. 7 (С.-Петербург, 2005), стр. 115.

³⁶Каратыгин, стр. 41; Аллер–1826, стр. 9; А.П.Башуцкий. *Указ. соч.*, стр. 53; И.И.Мартынов. *Указ. изд.*, стр. 110, 155–156.

³⁷«О наводнении, бывшем 7 числа текущего ноября», *Отечественные Записки*, 1824, ч. 20, №55, стр. 352; Аллер–1826, стр. 32.

³⁸Цит. по статье: А.Л.Осповат, «Вокруг „Медного всадника“», *Известия АН СССР. Серия литературы и языка*. Том 43 (1984), №3, стр. 246.

³⁹И.И.Мартынов. *Указ. изд.*, стр. 142–143.

⁴⁰*Отечественные Записки*, 1825, ч. 21, №57, стр. 169.

⁴¹Аллер–1826, стр. 11, 212–213.

⁴²А.С.Грибоедов. *Указ. соч.*, стр. 47.

⁴³Аллер—1826, стр. 75–76.

⁴⁴Перечень лиц, которым положены были компенсационные выплаты, и порядок исчисления таковых см: Аллер—1826, стр. 150–151, 166–167. «Чинovníкам, в службе не состоящим, на своем иждивении живущим и разоренным от наводнения, и равномерно вдовам и дочерям их, давать единовременное денежное пособие, по усмотрению Комитета, но свыше 1000 руб. ни в каком случае Комитеты, без разрешения, одному лицу пособие давать не должны» (*там же*, стр. 153).

⁴⁵Соображения об их контрасте с основной интонацией поэмы см.: Р.О. Якобсон, «Раскованный Пушкин», в его кн.: *Работы по поэтике* (Москва: Прогресс, 1987), стр. 235–236, 240; Н.В.Перцов, «О языковом иконизме Пушкина (из комментариев к поэме „Домик в Коломне“», *Московский пушкинист*. Том II (Москва, 1996), стр. 180.

⁴⁶W.Harkins. *Op. cit.*, p. 202. В связи с этим замечанием и трактовкой обоих метаморфоз как «дела рук судьбы» („the work of fate“) допустимо, кажется, сопоставить «косой» взгляд и «озлобленный взор» рассказчика, смотрящего на новый дом в *ДвК*, и «злобную» дрожь, которая охватывает Евгения, остановившегося перед решеткой вокруг памятника Петру I.

⁴⁷Применительно к *ДвК* и «Медному всаднику» тонкие суждения об этой «модели сюжетообразования» как «разновидности идиллии», которая в силу своей природы обречена на гибель при соприкосновении с враждебным внешним миром, высказывал Е.С.Хаев («Идиллические мотивы в произведениях Пушкина рубежа 1820–1830-х годов», *Болдинские чтения*. Горький, 1984, стр. 73–76). См. также: А.А.Фаустов. *Указ. соч.*, стр. 149–150. Не вдаваясь в подробное обоснование, заметим, что эта сюжетно-персонажная матрица в первую очередь восходит, по-видимому, к карамзинской повести «Бедная Лиза».

⁴⁸В этой точке расходятся — продолжая, тем не менее, взаимодействовать — «развитие действия в поэме и народной сказке» о батраке Марфутке (которая, как было показано недавно, послужила важным источником «пародической» фабулы *ДвК*; см.: М.И.Шапир, «Пушкин и русские «заветные» сказки (о фольклорных истоках фабулы „Домика в Коломне“», *Пушкинская конференция в Стэнфорде. 1999. Материалы и исследования* (Москва: О.Г.И., 2001), стр. 200–207).

The Real Life of Pierre Delalande

Studies in Russian and Comparative Literature
to Honor Alexander Dolinin

Edited by
David M. Bethea
Lazar Fleishman
Alexander Ospovat

PART 1

Stanford, 2007